

СОВЕРШЕННО не исключено, что Михаил Михайлович Жванецкий остроумный человек. Но я-то знаю, что лично его заслуги в этом почти что нет. Просто у него была мама, которая его родила. И город, в котором он родился.

Вот им-то Миша и обязан тем, что он добрый и порядочный человек. Тем, что не только не труслив, так еще и талантлив. Но что уж совсем существенно, умеет не всего лишь ненавидеть, но и любить.

Но продолжим развенчивание Михаила Жванецкого. У меня есть полно доказательств, что он к своей неслыханной славе имеет лишь косвенное отношение.

Чтобы в этом убедиться, достаточно было несколько миллиардов лет назад приехать к нему в гости, в город Одессу. Во флигелек с балконом по всему периметру одесского двора.

В общем, прилетаю я к Мише, открыленный самолетом. А аэродромное время 4 часа 47 минут. А Миша только завтра вернется из Львова. А тогдашние одесские таксисты произошли от сегодняшних московских. Но тут объявляется мар-

не здоровались только инвалиды зрения. С ним не просто здоровались, прохожие даже у меня почтительно интересовались: «Как вам у нас нравится?»

А если вы знаете, в гостинице «Красная» очень много стеклянных окон. И если бы стекла не были сплошными, то оттуда просто бы повыпрыгивали, увидев Мишу. Окна кафе полыхают машущими руками. Нас зовут! Нас мечтают увидеть!

Заходим!

Понимаете ли, в чем сложность жизни Михаила Жванецкого. В его присутствии все считают своим долгом быть остроумными. И все стали острить! Это можно сравнить только с ощущениями стоматолога, которому восхищенные поклонники и поклонницы немедленно начинают выдирать зубы. Но, прошу вас мне поверить, шутили удачно. Впрочем, когда тебе коньяк наливают только что не в карманы, ты становишься особенно восприимчив к остроумию. В общем, на пути к нашему уходу возникло много трудностей.

Все-таки ушли. Миша по

присутствию красивой женщины иногда получаются вполне заметные шутки. Но Миша даже близко нас не подпускал к удачным репликам.

Однако тут появляется киноартист Савва Крамаров. И мы с Володей были отмщены. Это о Савве, когда стало известно; что он намылился за границу, Ян Френкель сказал: «Ну это уже совсем утечка мозгов!» Савва принял шутить направо-палу. А юмор у него, я бы сказал, своеобразный. То есть, когда Савва шутит, Жванецкому рядом уже делать нечего. «Черноморочка», утомленная скучными шутками Жванецкого, теперь пришла в полное восхищение. А Миша ушел в тень. Куда перед этим загнал нас с Володей.

Так что слухи о необычайном остроумии Михаила Жванецкого в некоторых случаях довольно преувеличены. Спасибо тебе, Савва!

А наутро, пока Миша спит, я пошел по городу. Заглянул в летнее кафе. Сажу, пью утренний кофе.

Подходит к столику дедушка:

— Вы позволите?

Редко кто на меня смотрел с таким обожанием. Я даже засмущался. Нет, понять можно — сидит столичный журналист и скромно пьет кофе. Это не может не привести в восхищение. И все-таки не знаю, как на вас, а на меня с обожанием смотрят нечасто. Почти что никогда.

Описываю: прекрасно отглаженный чесучовый пиджачок, черные сияющие полуботиночки и (клянусь!) на седень-

С ЧЕГО БЫ ЖВАНЕЦКИЙ

Культур. - 1991. - 28 дек. - С. 16

ТАКОЙ ОСТРОУМНЫЙ

шрутный автобус «Аэропорт — Центр». Сажусь на заднее сиденье, сразу позади двери. А в салоне только два человека — ваш покорный слуга и по сторону двери сидит мадам кондуктор. С необъятной грудью, преувеличенной катушками билетов.

Едем! Притормаживаем на всех остановках. Но пассажиров не прибавляется.

И вдруг!

В нашу заднюю дверь вскакивает молодой человек. А на остановке теплится миловидное создание, прижимающее к юной груди букетик ландышей. Парень, вцепившись в хромированные поручни, вывесился из автобуса и говорил что-то убедительное. А девочка сияла ему глазами.

Парень торчит наружу между мною и мадам кондуктор. Мы с ней думаем о жизни и деликатно отворачиваемся в разные стороны. Вдали Одесса.

Парень торчит. Автобус стоит. Шофер, вижу, уперся подбородком в руль и терпеливо закурил.

Это длилось вечность.

Наконец, мадам кондуктор вздохнула и сказала вообще:

— Молодой человек, если вы-таки на что-то решились, так действуйте!

Ну при чем тут Миша Жванецкий? В такой обстановке вырасти неостроумным практически невозможно.

Наутро Миша приехал из Львова, где тогда еще неплохо смеялись. К тому же вино «Лючифер» и впридачу неопишимо красивый и уютный город. Но Миша сказал: «Подумаешь, Львов! Только, ради бога, не говори мне, что ты не первый раз в Одессе!». Мама нас покормила. Она считала, что дети всегда хотят есть. И Миша повел меня и себя по Одессе.

Он смотрел на меня почти надменно. Он вел себя, как римлянин, приобщающий варвара к культуре. То есть он впрямую зазнавался и задавался на тему своего родного города. А когда он меня подвел к дюку Ришелье, с ним началось нечто уже совсем невообразимое. Он устало и небрежно сказал: «А вот это у нас Черное море». Это была интонация человека, который только что лично наполнил весь акваторий морской водой. Включая пароходы.

С Мишей на улицах Одессы

инерции все еще молчит. Видимо, мысленно благодаря меня, что хоть я в его присутствии не тороплюсь шутить. Самый симпатичный вариант Жванецкого — когда он молчал и задумчив. Вот тут многое про него становится понятным.

— Ну как тебе босяки? Кстати, остроумные ребята. Впрочем, могут и зарезать.

И вы мне восхищаетесь дарованием Жванецкого? У него же безвыходное положение — не будешь остроумным, убьют к чертовой матери. Одесса слабых шуток не понимает.

Опять же надо знать, кому и зачем шутить. Вечером мы ходим в антракте по фойе филармонии. Все церемонно, как в Мадриде 300 лет назад. Все исключительно под ручку. Особенно обращал на себя внимание импозантный мужчина с невыносимо красивой женщиной. С ним здоровались еще повальнее, чем со Жванецким.

— Как ты думаешь, кто это? — спрашивает у меня любимец города.

— Как минимум секретарь ЦК компартии Украины.

— Мне жалко тебя! — сказал Миша. — Это заведующий мясной секцией в гастрономе.

И церемонно раскланялся с магнатом.

В мясной секции тоже любят качественный юмор. Так вы у меня спрашиваете, с чего бы Жванецкий остроумный?

Ночью Миша провожает меня в гостиницу «Лондонская». Будем продолжать называть ее так. Заходим в ресторан. Чего-нибудь принять на сон грядущий.

А там есть как бы альковная ниша. И в ней за столиком восседает Володя Высоцкий. Увидев нас, он сделал вид, что ничего интересного не случилось. И очень церемонно пригласил за столик. Церемонность веселого человека Володи объяснялась тем, что рядом с ним царствовала очаровательная одесситка с золотыми волосами на голове, которая только что лично снялась в кинофильме «Черноморочка».

Нет, пожалуй, и Жванецкий бывает остроумным. Во всяком случае до такой степени остроумным я его видел нечасто. Он забыл даже о еде. Мы с Володей уже стали обижаться — у нас ведь тоже в

кой головке шляпка-канотье. А в руке — тросточка!

Я подпрыгнул на плетеном стульчике:

— Прощу вас!

Дедушка присел на краешек стула и стал молча меня обожать. Вы никогда не пробовали пить кофе, когда вас при этом обожают?

Наконец дедушка нежно сказал:

— Я вас вчера видел с Михаилом!

После чего встал. Канотье попало в одесском воздухе. Многозначительно приподнял брови и, одернув манжеты белоснежной сорочки, даже не ушел, а удалился. По Дерибасовской, поигрывая тросточкой.

Понимаете ли, у Миши просто не было возможности вырасти неостроумным и необожаемым. Ему просто невозможно было не стать Жванецким.

А потом прошли годы, и подступила к Мише больница где-то на Пироговской улице. Конечно, он крепкий мужик. Но все равно я не люблю, когда мои друзья загромаждают больничные койки. В общем, приобрел я доступные тогда яблоки и пошел сострадать.

А Миша лежит, откинувшись на высокой подушке, и меня же успокаивает:

— Да что ты! Здесь такие интересные люди!

И пока я сидел и проводывал, кто только к нему не приходил «излить душу».

Я ленив и нелюбопытен. Мне иногда говорливого человека хочется убить. Причем не откладывая этого дела в долгий ящик. А уж терпеливо его выслушать — просто невозможно. А вот все эти Михаилы Михайловичи — Зоценки и Жванецкие — терпеливы и добры. Наверное, и поэтому пишут хорошо. Они не просто великодушны, они сострадательны. Вот ведь в чем еще дело.

Ну ладно, хватит умиляться. Тем более человеком, которого и без того все любят. И которым дорожат.

...Теперь, надеюсь, вы поняли, что в своем неслыханном остроумии Михаил Михайлович Жванецкий не столь уж и повинен. Просто у него была мама, которая его родила. И город, в котором он родился.

Эдуард ГРАФОВ.